

МАРСИАНСКАЯ
ИЛИАДА

МАРСИАНСКАЯ ИЛИАДА

Дэн СИММОНС

ОЛИМП

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С37

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

Dan Simmons
OLYMPUS

Перевод с английского *Ю. Моисеенко*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Varog International, Inc. и Nova Littera Ltd.

Симмонс, Дэн.

С37 Олимп : [роман] / Дэн Симмонс; [пер. с англ. Ю. Моисеенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 832 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-103150-3

Зачем восстали из мертвых Ахилл и Аякс, и что делают стаи Калибанов из шекспировской «Бури» в районе Средиземного моря? Для чего в центре Парижа гигантская статуя Блудницы? Выполнит ли свое предназначение, как в классических трагедиях, пресловутый Deus ex machina, Бог из Машины?

Читайте окончание знаменитой дилогии Дэна Симмонса, истории, накал страстей в которой превосходит экшн большинства голливудских блокбастеров!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Dan Simmons, 2005

 Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Этот роман посвящен Гарольду Блуму, который своим отказом сотрудничать в эту Эпоху Возмущения доставил мне несказанное удовольствие.

Откуда Гомер все это знал?
Во время тех событий он был верблюдом в Бактрии!

Лукиан. «Сон»

Подлинная история жизни на Земле, в конце концов,
сводится к истории воистину беспощадных сражений.
Собратья, враги и собственные страсти
никогда не оставят человека в покое.

*Джозеф Конрад.
«Заметки о жизни и литературе»*

Но пусть вовеки не стогит
Разрушенная Троя,
И Лая гнев не омрачит
Счастливого покоя, —
Хотя бы Сфинкс и стал опять
Свои загадки задавать.

А если и грозит закат,
То новые Афины
Лучом последним озарят
Иных времен равнины
И, как вечерняя заря,
Погаснут, землю одаря.

Перси Биши Шелли. «Эллада»*

---

* Перевод К. Чемена. — Здесь и далее примеч. пер.

ЧАСТЬ 1

1

Елена Троянская пробуждается перед самым рассветом от воя сирен воздушной тревоги. Дочь Зевса ощупывает подушки на постели, однако ее нынешний любовник, Хокенберри, опять исчез, ускользнул в ночи, пока спали слуги. Вот так он всегда — ведет себя так, словно сделал нечто постыдное. Наверняка пробирается прямо сейчас в свои покои по глухим аллеям и закоулкам, на которых еле чадят факелы. Все-таки Хокенберри — удивительный и несчастный человек, думает Елена. И вдруг она вспоминает.

«Мой муж мертв».

Это событие — гибель Париса в поединке с безжалостным Аполлоном — произошло девять дней назад. Великая тризна с участием не только троянцев, но и ахейцев начнется часа через три, если божественная колесница, что кружит над городом, за несколько минут не разрушит Илион до основания, — но Елене все еще трудно поверить в уход супруга. Неужто Парис, Приамов сын, пал на поле битвы? Парис покинул этот мир? Парис без всякого вкуса или изящества низвержен в сумрачные пещеры Аида? Непостижимо. Ведь это же *Парис*, прекрасный ребенок-мальчишка, похитивший ее у Менелая, преодолев стражу и зеленые луга Лакедемона. Нежнейший из любовников даже после долгой, изматывающей, десятилетней войны. Тот, кого Елена величала про себя не иначе как своим «неудержимым, раскормленным в стойле жеребцом».

Покинув постель, женщина идет к внешнему балкону и раздвигает невесомые занавески, чтобы

окупаться в предутренный свет Илиона. Сейчас середина зимы, и мраморный пол холодит босые ноги. В сумеречном покуда небе можно разглядеть, как сорок или пятьдесят проекторов шарят в поисках богов, богинь и их летающих колесниц. От приглушенных плазменных взрывов содрогается установленное моравеками энергетическое поле в форме купола, прикрывающее город. Внезапно по всему периметру защитных укреплений Илиона выстреливают вверх бесчисленные лучи — ослепительные снопы цвета лазури, изумрудов, свежей крови. На глазах Елены одиночный, но мощный взрыв сотрясает северную часть города; ударная волна раскатывается эхом среди уходящих в небеса башен Илиона и стряхивает длинные темные локоны с плеч красавицы. В течение последних недель боги пробивают силовой щит физическими бомбами в одномолекулярных оболочках при помощи квантовой фазотрансформации. По крайней мере так разъясняли ей Хокенберри и забавное железное существо по кличке Манмут.

Елене Троянской плевать на высокие технологии.

«Парис мертв». Мысль попросту не укладывается в голове. Виновница войны готовилась погибнуть вместе с ним в тот день, когда ахейцы под предводительством ее бывшего мужа, Менелая, разрушат городские стены, что казалось неизбежным согласно пророчествам ее подруги Кассандры, убьют всякого взрослого мужчину и мальчика, обесчестят женщин и уволочут их в рабство на греческие острова. Вот *какого* дня ждала Елена, думая принять лютую смерть от собственной руки, а может, от меча обманутого супруга. И почему-то она никак не представляла себе, что ее дорогой, самовлюбленный, богоподобный Парис, ее неудержимый жеребец, ее красавец-воин, уйдет из жизни первым. Девять с лишним лет осады и славных сражений убедили Зевсову дочь в том, что боги сохраняют ненаглядного мужа невредимым от любой беды, всегда возвращая его на брачное ложе. Так они и поступали. А теперь — убили Париса.

Невестка Приама припоминает последний раз, когда она видела троянского супруга. Десять дней тому назад он покидал город, спеша на поединок с Аполлоном. Никогда еще Парис не выглядел столь уверенно в элегантных доспехах из блистающей бронзы, с откинутой гордо головой, долгой, точно у жеребца, гривой из льющихся по плечам волос и сияющей улыбкой, обращенной к Елене

и тысячам троянцев, что, ликуя, взирали на него со стены у Скейских ворот. Быстрые ноги уверенно несли его «навстречу неуязвимой славе», по выражению любимого царского аэда. Впрочем, в тот день они влекли хозяина прямо к гибели от рук разъяренного Аполлона.

«И вот он умер, и если верить подслушанным пересудам, тело его обожжено и покалечено сверх меры, кости сокрушены, безупречный золотой лик превращен огнем в бесстыжую оскаленную маску, синие очи расплылись по глазницам тягучей колесной мазью, клочья зажаренной плоти повисли на обгорелых скулах, словно... словно... *начатки* — первые закопченные куски жертвенного мяса, которые швыряют с алтаря на землю, признав их негодными».

Женщина зябко ежится на холодном рассветном ветру, глядя, как над крышами курится дым. На юге, со стороны ахейского лагеря, взмыли с ревом вдогонку отступающей колеснице три зенитные ракеты. Дочь Зевса успевает заметить эту колесницу — короткую, яркую, точно утренняя звезда, вспышку, вслед за которой уже тянутся выхлопные ленты греческих снарядов. Блестящее пятнышко без предупреждения пропадает из виду, и небо пустеет. «Удирайте на свой осажденный Олимп, жалкие трусы», — злорадствует Елена Троянская.

Звучат сирены отбоя. Улица под балконом в особняке Париса поблизости от разгромленного Приамова дворца вдруг заполняется бегущими людьми: команды с ведрами торопятся на северо-запад, туда, где к зимнему небосводу по-прежнему тянется дым. Над крышами гудят летающие машины, более всего похожие на хитиновых черных шершней с колючими шасси и крутящимися на шарнирах прожекторами. Некоторые моравеки, как она знает по опыту и полуночным объяснениям Хокенберри, запоздало полетят «прикрывать город с воздуха», другие помогут загасить пламя. А потом будут несколько часов заодно с людьми вытаскивать из-под завалов изувеченные тела. Елена, которой знакомо в городе едва ли не каждое лицо, прикидывает, чьи же души перенеслись в бессолнечный Аид, едва дождавшись утра.

«Утра поминальной тризны по Парису. По моему милому. Моему глупому, обманутому любимому».

Начинают ворочаться служанки. На пороге спальни возникает самая старая из них — Эфра, мать

царственного Тезея, бывшая афинская правительница, увезенная братьями Елены в отместку за похищение сестры.

— Сказать девушкам, чтобы приготовили ванну, госпожа? — спрашивает она.

Невестка Приама кивает. Еще с минуту она смотрит в ясное небо. Дым на северо-западе густеет, а затем понемногу рассеивается, по мере того как пожарные команды с помощью моравеков расправляются с пламенем. Боевые шершни роквеков без всякой надежды продолжают погоню за квант-телепортировавшейся колесницей. Проводив их беглым взглядом, Елена Троянская разворачивается и возвращается в покои, шурша босыми ступнями по холодному мрамору. Пора как следует подготовиться к погребальному обряду и встрече с обманутым супругом после десяти лет разлуки. Кроме того, это первое публичное собрание, на которое одновременно явятся Гектор, Ахиллес, Менелай и Елена, а также многие другие троянцы наравне с ахейцами. Мало ли что может случиться.

«Одним богам известно, чем кончится этот ужасный день», — думает дочь Зевса. И, несмотря на печаль, не может сдерживать улыбки. В последнее время все до единой молитвы остаются без ответа. Настали дни, когда бессмертные вспоминают о кратковечных, только чтобы своими божественными руками сеять на земле ужас, гибель и страшные разрушения.

Елена Троянская отправляется принимать омовение и одеваться для выхода.

2

Рыжевласый Менелай в лучших доспехах молча, недвижно, гордо выпрямив спину, стоял между Одиссеем и Диомедом в первом ряду ахейской делегации героев, приглашенных в Илион на погребальный обряд в честь его главного врага, этого поганого женокрада, хренова сына Приама, свинячьего козла Париса. Стоял и размышлял, как и когда ему вернее прикончить Елену.

Особых сложностей не предвиделось. Виновница войны маячила на той стороне широкой дороги, взирая на ахейских гостей со стены, точнее, с царской смотровой площадки рядом со старым Приамом. Подумаешь,

каких-то пятьдесят футов вперед и немного вверх. Немного везения, и Атрид домчится быстрее, чем кто-либо успеет вмешаться. Впрочем, даже если троянцы рискнут преградить ему путь к обманщице, Менелай порубит их, словно сорную траву на грядке.

Он был невысок — не то что его благородный братец-великан, отсутствующий здесь Агамемнон, или подлый верзил Ахилл — и понимал, что нипочем не запрыгнет на стену, а вместо этого будет вынужден бежать по ступеням, запруженным троянцами, рубя направо и налево. Опозоренного мужа это вполне устраивало.

«Все равно мерзавке некуда уйти». К смотровой площадке на стене храма Зевса вела лишь одна лестница. Если Елена укроется в святилище, Менелай бросится следом и не даст ей уйти. Конечно, казнив предательницу, он и сам падет под бесчисленными клинками разъяренных горожан или Гектора, возглавляющего погребальную процессию, которая как раз появилась вдали. Вот тогда троянцы с ахейцами опять сойдутся в смертельной битве, забыв о безумной войне с богами. «Сражение за Илион возобновится прямо здесь и сегодня». А это значило, что жизнь Менелая не стоила ломаного гроша. Как и жизни Одиссея, Диомеда, а то и самого неуязвимого Ахиллеса. В конце концов, ахейцев на погребении собаки Париса собралось только три десятка, ну а троянцев были тысячи, они толпились повсюду — на площади, на стенах, а главное — перед Скейскими воротами, перегораживая бывшим завоевателям путь к отступлению.

«Оно того стóит».

Эта мысль пронзила черепную коробку, будто острый наконечник копья. «Все что угодно, лишь бы уничтожить вероломную сучку». Несмотря на стылый и пасмурный зимний день, из-под шлема побежали ручейки пота. Просочившись по стриженной рыжей бороде, они текли с подбородка на бронзовый нагрудник. Менелаяю нередко доводилось слышать этот стук тяжелых капель по металлу — но прежде то была кровь противников, обагрывшая их доспехи. Правая ладонь, опущенная на окованный серебром клинок, в слепом бешенстве сжала рукоятку.

«Сейчас?»

«Нет, погоди».

«Почему не сейчас? А когда же?»

«Еще немного».

Атрида сводили с ума эти противоречивые голоса в голове — а ведь оба принадлежали ему, в этом не приходилось сомневаться, поскольку боги уже не говорили со смертными.

«Как только Гектор зажжет погребальный костер, тогда и действуй».

Менелай сморгнул соленые струйки. Вряд ли он мог бы сказать, какому из голосов принадлежало последнее предложение — тому, что рвался в бой, или другому, который трусливо советовал тянуть время, — но согласился ему последовать. Скорбная процессия вошла в Илион через огромные Скейские ворота и пронесла опаленный труп, укрытый шелковым саваном, по главной городской улице в сторону внутренней дворцовой площади, где молча ждали целые ряды высокородных сановников и героев, в то время как женщины, в том числе и Елена, наблюдали за ритуалом со стены. Всего лишь несколько минут, и старший брат убитого, Гектор, возьмется поджигать погребальный костер, а стало быть, внимание зрителей обратится на пламя, пожирающее и без того поджаренную тушу Париса. «Самое время действовать. Никто и не опомнится, пока я не всажу десять дюймов клинка в предательскую грудь Елены».

По традиции, тризны по членам царской семьи, таким как Приамов сын, один из наследных принцев, длились по меньшей мере девять дней, большая часть которых посвящалась играм, включавшим в себя гонки на колесницах, атлетические состязания и метание копий. Однако на сей раз все положенное время с тех пор, как Аполлон превратил Париса в уголья, было потрачено на долгое путешествие дровосеков к лесам, еще уцелевшим на склонах Иды, во многих лигах к юго-востоку. Маленькие машинки, звавшие себя моравеками, сопровождали телеги на своих шершнях, чтобы чудесным образом защитить людей, если боги вздумают напасть. И те, разумеется, напали. Однако лесорубы все же сделали свое дело.

Лишь теперь, на десятый день, дрова были привезены в Трою и приготовлены для костра. Впрочем, Менелай и многие из его товарищей, включая Диомеда, стоящего с ним бок о бок, считали обряд сжигания вонючего мертвеца напрасной тратой доброго топлива, ибо и город, и мили некогда лесистого побережья давно лишились древесины, растраченной за десять лет на лагерные костры.

Поле битвы покрывали бесчисленные пни. Даже хворост давным-давно подобрали. Ахейские рабы готовили пищу для господ на сухом навозе, что не повышало ни вкусовых свойств еды, ни настроения осаждающих.

Возглавляла погребальный кортеж величавая череда троянских колесниц. Копыта коней, обернутые черным войлоком, еле слышно ступали по широким булыжникам главной улицы и городской площади. За спинами колесничих в молчании замерли величайшие герои Илиона, воины, пережившие девять с лишним лет осады и ужасную восьмимесячную битву с богами. Первым ехал Полидор, сын Приама, за ним — еще один сводный брат Париса, Местор. На следующих колесницах стояли союзник троянцев Ифей и Лаодок, сын Антенора. Кстати, вот и сам Антенор — как всегда, на богато украшенной повозке среди бойцов, а не с почтенными старцами на городской стене. Затем — полководец Полипет, а далее — прославленный колесничий Сарпедона Фразимел, как бы замещающий своего господина, предводителя рати ликийцев, убитого Патроком несколько месяцев назад, когда троянцы еще искали сражений с греками, а не с бессмертными. Следом явился и благородный Пиларт — нет, разумеется, не троянец, павший от руки Большого Аякса перед самым началом богоборческой войны, а другой, который так часто бился рядом с Элазом и Мулием. Замыкали процессию Перим, сын Мегаса, Эпистор и Меланипп.

Менелай узнавал каждого из этих мужей, героев, своих противников. Тысячи раз ему доводилось видеть их искаженные гневом, окропленные кровью лица под бронзовыми шлемами на опасном расстоянии брошенного копья или даже взмаха клинком. Тысячи раз эти люди преграждали ему путь к заветной, давно уже нераздельной цели: к Илиону и Елене.

«До нее каких-то полсотни ярдов. Никто не ждет моего нападения».

За тихими колесницами слуги вели предназначенных на костер животных: десять коней Париса (конечно же, не самых лучших), его охотничьих собак и даже целое стадо откормленных овец — очень серьезная жертва, если учесть, что за время божественной осады шерсть и говядина сделались редкостью. Да, и сзади еще плелась дряхлая круторогая скотина. Все это не ради пышности жертвопри-

ношения — действительно, кому жертвовать, когда олимпийцы стали врагами? Просто жир закланных животных может сильнее и жарче разжечь погребальное пламя.

А следом — издалека, с долин Илиона, — через Скейские ворота шагали тысячи троянских пехотинцев, сверкающих начищенными доспехами в этот хмурый зимний день. Посреди людского потока плыло смертное ложе Париса — на руках двенадцати ближайших соратников по оружию, мужчин, которые готовы были отдать жизнь за второго отпрыска Приама и до сих пор лили слезы, вздымая над покойным массивный паланкин.

Тело Париса обвевал голубой покров, почти утонувший под прядями волос, отрезанных солдатами и дальними родственниками усопшего в знак печали: старший брат и ближняя родня отрежут локоны за миг до того, как загорится костер. Троянцы не предлагали ахейцам жертвовать волосы. В противном случае — даже если бы Ахиллес, главный союзник Гектора в эти сумасшедшие дни, передал их просьбу или, хуже того, попытался навязать ее своим людям — Атрид самолично поднял бы восстание.

Менелай пожалел, что рядом нет его царственного брата. Казалось, тот всегда выбирал верный путь. Агамемнон — вот кто был настоящим предводителем аргивян, а вовсе не самозванец Ахилл и, уж конечно, не Приамов убудок Гектор, готовый раздавать приказы одновременно аргивянам, ахейцам, мирмидонцам и троянцам. Нет, Агамемнон — истинный вождь. Окажись он тут сегодня — либо удержал бы брата от опрометчивого нападения на Елену, либо рискнул бы жизнью, помогая тому исполнить намеченное. Но старший из Атридов и пять сотен верных ему людей отплыли на черных кораблях в Спарту и к островам семь недель назад. Возвращения их ожидали не раньше, чем через месяц. Они якобы собирались привлечь на свою сторону рекрутов для войны с богами, а на самом деле планировали заручиться поддержкой союзников для мятежа против быстрого Пелида.

Ахилл. Вон он, вероломное чудище, ступает вслед за Гектором, который бредет за паланкином, бережно держа голову покойного брата в огромных ладонях.

При виде рыдающего Приаида и мертвого тела тысячи троянцев, собравшихся на городских стенах и главной площади, издали могучий стон. Женщины на

крышах домов и смотровых площадках — те, что попроще, не дамы царских кровей и не Елена, — завывли в голос. Предплечья Менелая невольно покрылись мурашками. Бабы причитания вечно на него так действовали.

Атрид подумал о своей переломанной и вывернутой руке. Он решил накопить гнева, словно топлива для костра.

Ахилл, этот полубог-получеловек, шагающий возле гроба, который торжественно проносили мимо почетного караула из ахейских военачальников, сокрушил Менелая руку ровно восемь месяцев назад, в тот день, когда быстроногий объявил аргивянам, будто бы Афина Паллада прикончила его друга Патрокла и в насмешку забрала тело с собой. «Перестанем же сражаться друг с другом, — провозгласил мужеубийца, — и возьмем в осаду сам Олимп!»

Агамемнон, конечно, был против: против бессовестных притязаний сына Пелея на законное место его, Атрида, царя над всеми греками, собравшимися у стен древней Трои, против неслыханного кощунства — нападения на богов, кого бы там ни вздумалось укокошить Афине (если Ахилл вообще говорил правду), и против того, чтобы десятки тысяч ахейских воинов перешли под командование быстроногото.

Пелид ответил коротко и прямо: он, мол, готов драться с любым, кто не примет его власть или не захочет воевать с бессмертными, — драться хоть поодиночке, хоть со всеми сразу. И пусть последний уцелевший правит аргивянами, начиная с этого рокового утра.

Сотни данайских военачальников и тысячи пехотинцев застыли в немом изумлении, но гордые сыны Атрея разом бросились на самозванца с оружием.

Менелай хоть и не числился в рядах первых героев у стен Илиона, все же был закаленным в сражениях ветераном, а его брат вообще слыл самым свирепым из греков — по крайней мере пока разобиженный Ахиллес отсиживался в своей ставке. Копье великого царя било, можно сказать, без промаха, клинок пронзал семикожные щиты врагов точно легкие хитоны, а его хозяин ни разу не оказывал милости даже самому благородному противнику, молившему о пощаде. Статный, мускулистый Агамемнон смотрелся не менее богоподобно, чем белокурый Пелид, разве что тело его покрывали старые шрамы, заслуженные в славных боях, когда быстроногий еще пешком под стол хо-